

ВЕК В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И. БРОДСКОГО

Статья посвящена раскрытию особенностей индивидуально-авторского восприятия слова *век* с целью осмысления его в поэтическом творчестве И. Бродского. Определена специфика функционирования указанной лексемы в идиостиле поэта с учетом своеобразия ее семантического объема.

Ключевые слова: время, век, И. Бродский.

Время – базовая онтологическая категория, фиксирующая реальность через систему языковых единиц и выступающая в литературе «как объект изображения, тема произведения, художественный фактор», орудие описания бытия и внутреннего мира человека [1, с. 33]. Данная категория «отражает глубинное, личностное восприятие мира и поэтому всегда является воспроизведением мировоззренческих основ, сообразно которым автор постигает окружающую его действительность» [2, с. 286]. Однако «временные представления, сохраняя свою объективную основу, становятся не только средством передачи мыслей, чувств и переживаний героев и автора, но и служат образному обобщению сложнейших процессов действительности» [3, с. 8]. Тем самым изучение времени в художественном тексте способствует раскрытию общей картины мира, переосмысленной сознанием писателя и наделенной особыми образными коннотациями.

Важную роль категория времени играет в творчестве И. Бродского, являясь основным ориентиром бытия и важнейшей координатой поэтического макрокосма писателя. Темпоральная модель, воплощенная в текстах поэта, репрезентируется большей частью посредством лексических средств языка, содержащих элементы временной семантики. Слова, наделенные темпоральным значением, приобретают в поэзии И. Бродского особую выразительность. Своеобразную, оригинальную актуализацию выполняет в произведениях писателя лексема *век*, характеризующаяся многообразием смысловых, оценочных и эмоциональных оттенков.

Лексема *век* в поэтических текстах И. Бродского обладает как традиционным значением, отраженным толковыми словарями, так и окказиональным, обусловленным индивидуально-авторским восприятием временной действительности. Слово *век* представлено в произведениях поэта в таких употребительных значениях, как: 1) период в сто лет, условно исчисляемый от рождения Иисуса Христа: *и, как всегда в двадцатом веке, /звучит далекая стрельба, /и где-то ловит человека/его безумная судьба* [4]; 2) исторический период, эпоха: *Воскресный свет все менее манит/бежать ежевечерних откровений, /покуда утомительно шумит/ на улицах мой век полувойennyй* [4]; 3) очень долгое время, вечность: *Иные же сгорают. И в аду, /оставшемся с оставленной властью, /весь век сопротивляются дождю, /который все их смешивает с грязью* [4]; 4) жизнь, чье-нибудь существование: *По всякой земле/балаганчик везу, /а что я видал на своем веку: кусочек плоти бредет внизу, /кусочек металла летит наверху* [4].

*© Штырлина Е.Г., 2012

Штырлина Екатерина Геннадьевна (shtyrlinaekaterina@gmail.com), кафедра современного русского языка Казанского (Приволжского) федерального университета, 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

Авторское толкование данной лексемы создается путем метафорических и метонимических переносов, посредством образного переосмысления и надления временного отрезка признаками и свойствами живого существа.

Век в поэтическом языке И. Бродского выступает не столько для обозначения продолжительности временного интервала, сколько для художественной интерпретации определенной исторической атмосферы, поскольку именно в границах «века» «происходит осознание во времени себя не как отдельной личности, а как части поколения, живущего в определённой культурной, социально-экономической, политической среде» [5]. *Век* как определенный виток истории наполнен в творчестве И. Бродского качественными и событийными характеристиками, особой образностью и оценочностью. Концептуализация *века* в значении исторической эпохи происходит при описании двух конкретных столетий – XIX и XX веков, наделенных поэтом броскими, яркими чертами, символизирующими стиль жизни, основные особенности мироустройства, раскрывающими саму суть, содержание определенной временной действительности.

Основное внимание в своих произведениях И. Бродский уделяет двадцатому веку, на протяжении которого складывалась жизнь поэта, формировались его мировоззренческие позиции и устои. С помощью лексических средств, многообразных стилистических приемов автор пытается не просто набросать рисунок времени, а представить образ эпохи уходящего века. При описании двадцатого века И. Бродский неоднократно подчеркивает своеобразное начало данного столетия, связанного с военными событиями: *Свистят, свистят весь день смычки калек,/как будто наступает новый век,/сплошное пенье, скрипки, кутерьма,/и струнами опутаны дома,/и все смычки военные свистят,/и пятаки по воздуху летят* [4]. Лексема *век* намеренно окружается писателем словоформами, имеющими отношение к войне, и неоднократно поэт характеризует эпоху с помощью слова *стрельба*: *...двадцатый век – /век маленькой стрельбы и страшных мыслей?* [4] или *и, как всегда в двадцатом веке,/звучит далекая стрельба...* [4]. Военная составляющая настолько наполняет временной срез, что порой само время готовится к своему уходу заранее, боясь стать мишенью боевых орудий: *Тысячелетье и век/сами идут к концу,/чтоб никто не прибеж/ к бомбе или к свинцу* [4].

Двадцатое столетие в произведениях И. Бродского неоднократно получает наименование *атомного*, что определяет его, с одной стороны, как время научно-технической революции, наложившей отпечаток на сознание и мировосприятие людей (*В атомный век людей волнует больше/не вещи, а строение вещей* [4]), с другой стороны, подчеркивает страх общества перед угрозой войны, обусловленной созданием ядерного оружия: *Спаси сердца и стены в век атомный,/когда скала – и та дрожит, как жердь,/возможно лишь скрепив их той же силой/и связью той, какой грозит им смерть* [4].

Девятнадцатого века И. Бродский касается всего лишь несколько раз, причем, говоря об этом временном отрезке, автор чаще всего пытается воссоздать особенности образа жизни, определенных черт, характерных для этого столетия: *Как старомодны твои крылья, лапки!/В них чудится вуаль прабабки,/ смешавшаяся с позавчерашней/ французской башней – /век номер девятнадцать, словом* [4]. Атмосфера интересующего писателя времени создается и на синтаксическом уровне с помощью восклицательных предложений и эмоционально-экспрессивного настроя отдельных отрывков поэтического текста: *О, девятнадцатый век! Тоска по востоку! Поза/изгнанника на скале! И, как лейкоцит в крови,/луна в твореньях певцов, сгоравших от туберкулеза, писавших, что – от любви* [4].

Важно отметить, что в основе описания столетий лежит антропоцентрическая концептуализация времени, необходимая для совмещения темпорального и субъективно-

го планов, изображения состояния общества и отдельной личности в тот или иной исторический промежуток, иллюстрации причастности человека к формированию эпохи и вместе с тем зависимости от нее: *...затем, что наши головы кружит/двадцатый век, безумное спортсменство* [4]. С пониманием соразмерности временного бытия и существования человека у И. Бродского связано метафорическое восприятие века и лирического «я» как лиц, связанных родственными узами. Век оказывает влияние на общество, трансформирует его, создает по своим меркам, в результате чего герои произведений оказываются *сыновьями, пасынками* времени, облеченными в «одежды» своего родителя: *Прости меня — поэта, человека — /о, кроткий Бог убожества всего,/ как грешника или как сына века,/всего верней — как пасынка его* [4]; *В погонах века своего,/как маленький простак, вступай, мой пасынок, в него/с улыбкой на устах* [4].

Неоднократно образ эпохи формируется И. Бродским с помощью синтаксической конструкции *век + прилагательное*, в которой определение характеризует временную действительность с разных сторон, акцентируя внимание на особенностях, наиболее важных для автора. С помощью указанной структуры поэт наиболее точно передает ощущения от эпохи, которую он наделяет в произведениях различными признаками, ярко иллюстрирующими его отношение к ней. Прилагательные, сочетающиеся со словом *век*, в большинстве случаев несут в себе отрицательную оценку, а глаголы, стоящие рядом, только усиливают это впечатление: *Воскресный свет все менее манит/бежать ежевечерних откровений,/покуда утомительно шумит/на улицах мой век полувоенный* [4]. Предикаты и определения, относящиеся к темпоральной лексеме, создают метафорический образ века, постоянно издающего какие-либо громкие звуки, сопровождающие человека: *и шумный век гудит, как пароходик* [4] или *покуда утомительно шумит/на улицах мой век полувоенный* [4]. Помимо слов, характеризующих слуховое восприятие, значимую роль при изображении времени играют прилагательные, описывающие *век* с точки зрения ментальной и эмоциональной оценки: *и Бог простит безумный краткий век военных и заслуженных калек* [4] или *и по Садовой зашагает вдаль/мой грозный век, а я, как и всегда,/через канал, неведомо куда* [4]. Следует отметить, что лексемы, определяющие временную действительность, содержат чаще всего отрицательную семантику, формирующую негативный образ столетия. Однако если среди слов, характеризующих *век*, и встречаются лексемы с положительной оценкой, то она обязательно нейтрализуется рядом выражений, производящих крайне неблагоприятное впечатление, вследствие чего самому высказыванию придается саркастический оттенок: *Век был, в конце концов,/неплох. Разве что мертвецов/ в избытке — но и жильцов,/исключая автора данных строк,/тоже хоть отбавляй...* [4]. Кроме того, отрицательный образ времени усиливается в произведениях поэта и за счет наделения эпохи звериными качествами, уподобления века дикому животному: *Так на зверином повелось веку./Но одного не понимаю я:/как все-таки не стыдно Мужiku/примеры брать у дикого зверья?* [4].

Вместе с тем *век* в творчестве И. Бродского передает значение не только эпохи, определенной исторической действительности, но и служит в произведениях поэта в качестве меры счета времени, сочетаясь с числительными, указывающими на длительность протекания какого-либо действия: *хотя б на день, как на три века,/великий мир в его душе* [4].

Указывая на продолжительность, временной ход столетий, И. Бродский использует динамические метафоры, представляющие время в образе активного субъекта, способного к перемещению в пространстве: *Не людские, знать, в ней тропы!/Велика/и безлюдна она, чтобы/шли века* [4]. Движение времени ощущается поэтом порой так реально, что автор старается описать даже его маршрут, указать место, через которое проходит время: *и по Садовой зашагает вдаль/мой грозный век...*[4] или *Встань в*

свободную нишу и, *закатив глаза,/смотри, как проходят века, исчезая за углом...* [4]. В текстах поэта подчеркивается спешка, торопливость движения столетий, их быстрый ход: *Забудь на миг свой торопливый век/ и недоверчивость на время спрячь* [4]. Интересно отметить, что, по сравнению с другими временными лексемами, слово *век* способно сочетаться со словами, передающими совершенно разные способы движения: *Мертвый лист/настойчиво желтеет меж стволов,/и с пересохших теннисных столов/на берегу среди финляндских дач/слетает век, как целлулойдный мяч* [4] или *Комком бумажным катится твой век/вдоль подворотен, вдоль по диабазу/и в переулках пропадает сразу* [4]. Своеобразные временные образы в приведенных контекстах создаются с помощью сравнений, входящих в их структуру. В указанных примерах субъектами сравнения выступают временные номинации, а объектами — понятия, логически не сопоставимые с темпоральными реалиями, что приводит к появлению сложных метафорических образов, наполненных дополнительными понятийными смыслами и яркими ассоциациями.

Помимо процессного движения веков, в произведениях И. Бродского наблюдается и фазовое движение, которое привносят глаголы со значением начала или конца. Следует отметить, что в текстах поэта явно доминируют выражения, указывающие на завершение временного отрезка, что соответствует реальной исторической действительности, в которой творил автор: *Тысячелетье и век/сами идут к концу...* [4] или *Под аккомпанемент авиакатастроф,/век кончается* [4] или *Век на исходе. Бег/времени требует жертвы, развалины...* [4]. Поскольку поэзии И. Бродского свойствен антропоцентризм, лирическое восприятие событий, автор нередко сопоставляет конечность века со своим уходом из жизни, тем самым предрекая себе близкую смерть: *Век скоро кончится, но раньше кончусь я* [4].

Выражая временную длительность, слово *век* способно обозначать не только определенное столетие, но и большой по продолжительности отрезок времени: *Лишь печь горит, способна век внимать,/раскрыв свой рот, моим словам бессвязным* [4]. Кроме того, темпоральному слову свойственно и расширение значения в составе определенных конструкций. Например, наречное сочетание *на века* указывает на долгий временной промежуток, в пределах которого должно продолжаться явление, о котором говорилось в высказывании: *Внемлите же этим речам, как пению червяка,/а не как музыке сфер, рассчитанной на века* [4]. В некоторых примерах длительность срока усиливается за счет использования в составе названной конструкции слова *многие*: *...И зеркало сумело/правдиво — и на многие века —/запечатлеть Голландию...* [4]. На продолжительный временной отрезок указывают и другие лексические средства, подразумевающие некую множественность, совокупность чего-либо: *Наш нежный Юг,/где сердце сбрасывало прежде выюк,/есть инструмент державы, главный звук/чей в мироздании — не сорок сороков,/рассчитанный на череду веков,/но лязг оков* [4]. Приведенное значение слова *век* возникает и в гиперболических выражениях, в которых автор преувеличивает временной аспект имеющихся событий: *Вот шествие по улице идет,/и дождь уже совсем перестает,/ не может же он литься целый век,/ заметьте — вот Счастливый Человек...* [4].

Помимо основного временного значения, лексема *век* способна обозначать человеческую жизнь или промежуток времени, который она занимает. Такое толкование темпорального слова встречается в произведениях И. Бродского довольно редко и в большинстве случаев передается с помощью сочетания *на своем веку*: *Там, наверху—/услышь одно: благодарю за то, что/ты отнял все, чем на своем веку/владел я* [4]. Выступая в указанном значении, *век* может употребляться с притяжательными местоимениями, уточняющими лица, о жизни которых говорится в контексте: *Ибо, когда*

расстаются двое,/то, перед тем как открыть ворота,/каждый берет у другого что-то/ в память о том, как их век был прожит... [4].

Особую выразительность в произведениях И. Бродского лексема *век* приобретает, подвергаясь олицетворению и выражая окказиональные значения, создаваемые за счет своеобразной сочетаемости и богатой ассоциативно-образной соотносимости. Олицетворения, основанные на субъективном восприятии временного плана, нередко перерастают в поэтических текстах в персонификацию, позволяющую воспринимать временную категорию с совершенно других ракурсов, нежели это свойственно нам делать в действительности. Персонифицированные образы раскрывают индивидуально-авторское видение окружающего бытия и формируют особую художественную картину мира писателя.

Поэтическое олицетворение дает возможность И. Бродскому представить на страницах произведений различные интерпретации времени, сделать его действующим персонажем повествования и наделить особыми авторскими коннотациями. Так, например, *век* в текстах поэта сопровождается дополнительными звуковыми характеристиками, в реальности ему не присущими. В зависимости от того, с каким живым существом сравнивается время, и будет зависеть особенность издаваемых им звуков. При уподоблении времени насекомому *век* производит те же дребезжащие звуки, что и объект, с которым он соотносится: *вот Бог, а вот порог,/как будто это ты, а это Бог,/как будто век жуужжит в его руке,/а жизнь твоя, как Ио, вдалеке [4].* Если же время издает голосовые звуки, то оно сравнивается с человеком: *Пойми, пойми, что все мешает,/что век кричит и нет мне сил,/когда столетье разобщает,/хотя б все менее просил [4].* Уподобление *века* человеку наблюдается и в примерах, в которых время изображается как существо, способное к смеху, насмешке: *Пойди пойми, над чем смеется век,/о, как тебе неловко, человек [4].* Смех времени воспринимается поэтом негативно, как некий вызов человеку, как доминирование и власть над ним: *А век в лицо тебе смеется/и вдаль бежит сквозь треск идей [4].* Человек же не вступает в схватку со временем, занимая пассивную позицию, он либо просто выражает свою неудовлетворенность веком, критикуя его (*Вот шествие по улице идет,/и кое-кто вполголоса поет,/а кое-кто поглядывает вверх,/а кое-кто поругивает век,/как, например, Усталый Человек [4]*), либо довольствуется сложившейся ситуацией: *Я жизни своей не люблю, не боюсь,/я с веком своим ни за что не борюсь./Пускай что угодно вокруг говорят,/меня беспокоят, его веселят [4].* Однако иногда герой пытается отстраниться от времени, выйти за его пределы, если не в реальности, то хотя бы на уровне восприятия, чувств: *Попробуем же отстраниться,/взять век в кавычки [4].*

Персонификация времени наблюдается и в других отрывках поэтических текстов, в которых *век* выступает в качестве существа, оказывающего воздействие на людей, их мировоззрение и поступки. Время мыслится поэтом как нечто, накладывающее отпечаток на существующие законы бытия, изменяющее их по своим критериям и предпочтениям: *Под аккомпанемент авиакатастроф,/век кончается; Проф./бубнит, тыча пальцем вверх, о слоях земной/атмосферы, что объясняет зной... <...> Но век, собирая свое добро,/расценивает как ретро/ и это [4].* Время выступает как катализатор, уравнивающий категории окружающего мира, формирующий его устройство: *Там жизнь продолжается, так как века/одних уменьшают в объеме, пока/другие растут — как случилось с тобою [4].*

Таким образом, лексема *век* в поэтическом языке И. Бродского проявляет свою многоплановую сущность, заключенную в многообразии смысловых оттенков, коннотативных компонентов значения, обилии ярких персонифицированных образов, отражающих оригинальность мировосприятия писателя. Неповторимость реализации в художественных текстах, активное использование экспрессивных значений темпо-

ральной лексемы дают возможность автору создать на страницах своих произведений целый спектр метафорических образов времени, позволяющих постичь глубинное личностное восприятие действительности, нашедшее отражение в самом творчестве И. Бродского.

Библиографический список

1. Ерофеева Л.А. Метафорические репрезентации циклических темпоральных концептов в поэтической картине мира Р.М. Рильке // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2009. №1. С. 32–41.
2. Урвиллов В.А. Оппозиция «прошлое-настоящее» в романе В.В. Вересаева «В тупике» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 286–292.
3. Мейлах Б.С. Проблема ритма, пространства и времени в комплексном изучении творчества // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 3–10.
4. Бродский И.А. Стихотворения и поэмы (основное собрание). URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (дата обращения: 16.05.2011).
5. Закурдаева Н.В. Концептосфера поэзии В.С. Высоцкого: аксиологические и экзистенциальные концепты: автореферат дис. ... канд. филол. наук. URL: http://vv.mediaplanet.ru/ar/Zakurdaeva-Kontseptosfera_poezii_Visotskogo/.text (дата обращения: 16.05.2011).

*E.G. Shtyrlina**

CENTURY IN J. BRODSKIY'S POETIC LANGUAGE

The article is devoted to disclosing the features of Brodskiy's perception of a word *century* for better understanding of his poetic creativity. The functioning specificity of the time lexeme in the poet's individual style with an account of originality of its semantic volume is determined.

Key words: time, century, J. Brodskiy.

* *Shtyrlina Ekaterina Gennadievna* (shtyrlinaekaterina@gmail.com), the Dept. of Modern Russian Language, Kazan Federal University, Kazan, 420008, Russian Federation.